

прежде всего идеологов господствующего класса феодалов; в отличие от еретиков Иосиф и Вассиан никогда не покушались на основные устои феодально-религиозной идеологии.⁴⁷

Внимательное исследование литературных памятников обнаруживает сложность идеологии даже таких публицистов, социальные воззрения которых могут показаться на первый взгляд совершенно ясными и однозначными. Писатель-дворянин XVI в. Иван Пересветов, в отличие от своих духовных братьев, меньше всего был склонен к абстрактно-богословским умствованиям, он настойчиво защищал интересы «воинников», резко порицая «вельмож» — «ленивых богатых». Исследователь творчества Пересветова А. А. Зимин, признавая дворянский характер идеологии этого публициста, справедливо указывает, однако, что Пересветову вместе с тем были свойственны и некоторые воззрения, «выходящие за рамки дворянской ограниченности», — протест против кабальной и холопией зависимости, протест против «всякого порабощения», черты свободомыслия и т. д.⁴⁸

Конкретное исследование литературных памятников приводит исследователей к пониманию сложности идеологии как при ее зарождении, так и при последующем развитии. Но такое исследование вновь и вновь на разнообразнейшем материале подтверждает теснейшую зависимость развития литературы от истории классово-вой борьбы. Подтверждается эта зависимость и на материале средневековой русской литературы.

III

Примеры убедительных социальных характеристик памятников древнерусской литературы в исследованиях последних лет можно было бы еще значительно умножить. Нам представляется, однако, более плодотворным обращение к иным примерам. Рискуя вызвать новые замечания Д. Чижевского по поводу отсутствия «единомыслия» у советских исследователей, мы хотим остановиться на тех характеристиках, которые представляются нам спорными и недостаточно убедительными. Речь идет о попытках ряда весьма серьезных советских исследователей найти среди различных писателей XVI в. идеологов основного трудящегося класса феодального общества — крестьянства.

Первая попытка такого рода принадлежала И. И. Смирнову — крупнейшему исследователю истории классово-вой борьбы и крестьянских движений XVI—XVII вв. Справедливо возражая против огульного разделения идеологов XVI в. на дворян-иосифлян и бояр-нестяжателей, И. И. Смирнов привел в качестве примера памятника, не укладывающегося в «столь бедную и элементарную схему», известный публицистический памятник XVI в. — «Беседу Валаамских чудотворцев». Автор «Беседы» — противник землевладения монастырей, но из этого вовсе не следует, как справедливо отметил И. И. Смирнов, чтобы он был боярином-нестяжателем вроде А. М. Курбского. Связь памятника с русским севером, частые упоминания его о «мире» (термин, которым, между прочим, именовалась на севере «черная» крестьянская волость) — все это побудило И. И. Смирнова прийти к выводу, что «Беседа» — «памятник публицистики, вышедший

⁴⁷ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953; Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960; ср.: J. S. Luria. Das Problem der ideologischen Hauptrichtungen in der russischen Literatur am Ende des 14 und in der ersten Hälfte des 16. Jh. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. V, Heft 3, Berlin, 1960.

⁴⁸ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 388—392 и 455.